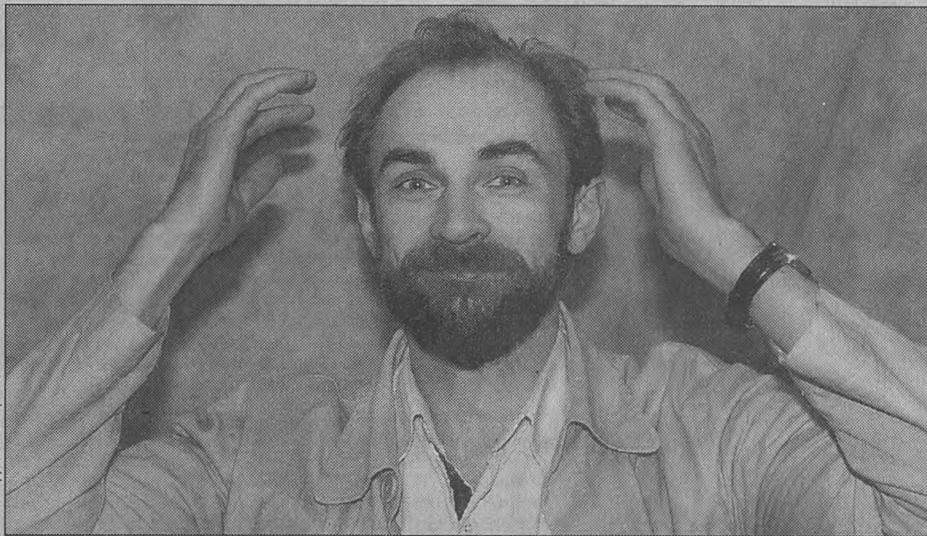

ИЗ КОСМОНАВТОВ В СИДЕЛКИ

Сергей Голомазов не любит русскую жизнь

АЛЕКСАНДР КОРНОШЕНКО

Во Франции любят Достоевского, политику, театр и еще там любят русских. Вся эта французская любовь соединилась в спектакле, который Высшая театральная школа Лиона заказала русскому режиссеру Сергею Голомазову. Он и поставил для них "Бесов" — собственную инсценировку самого политизированного романа Достоевского.

Из досюэ "МК". Сергей Голомазов — актер, режиссер, педагог Российской академии театрального искусства (ГИТИС). Играл главную роль в знаменитом спектакле Евгения Арье в Театре Маяковского "Гильденстерн и Розенкранц мертвы". В Москве поставил спектакли "Дрейфус" (Театр Гоголя), "Театр-убийца" (Театр Армена Джигарханяна), получил премию газеты "МК" за спектакль "Петербург" по Андрею Белому (Театр Гоголя). Спектакль "Безотцовщина" ("Платонов") по ранней пьесе Чехова, поставленный на выпускном курсе ГИТИСа с актером театра на Бронной Даниилом Страховым в главной роли, стал хитом молодежных постановок последнего сезона.

— Как появились французские "Бесы"?

— Ректор ГИТИСа Сергей Исаев несколько лет назад начал совместную работу с французами в Высшей театральной школе Лиона у Патрика Буржуа. Полтора года назад Исаева убили, и проект оборвался. Однако Буржуа хотел развивать контакты с русской режиссурой и методологией. У французской режиссерской школы практически отсутствует — у них даже в языке нет понятия "режиссер". По-французски это звучит как "человек, делающий мизансцены". Этот дефицит они хотят преодолеть. Патрик Буржуа по рекомендации вдовы Исаева Наташи посмотрел "Безотцовщину" и пригласил меня в Лион.

— Известно, что французы зачищены на политике. Для выбора "Бесов" это оказалось важным?

— После событий в Нью-Йорке этот материал стал почти до пошлости актуальным. В день премьеры во Франции на прилавках книжных магазинов даже появилось произведение "Достоевский и Манхэттен — тема терроризма". Но сознательной задачи соотвещения злобе дня я не ставил. Инсценировку я писал сам около семи месяцев. Вычленил сюжетную историю вокруг Ставрогина. Все периферийные сюжеты снял. В результате все равно получилось три часа десять минут с одним антрактом. Хотя они меня простили два часа без антракта. Меня пугали, что в антракте будут уходить, но этого не случилось. История была рассказана как трагифарс — и зрители смеялись.

— Режиссеры твоего поколения сейчас занимают ключевые позиции. За последнее время

театры получили Роман Козак, Андрей Житинкин. Вот и ты стал главрежем Театра Армена Джигарханяна.

— Это было ненадолго. Я уже не являюсь главным режиссером Театра Джигарханяна. Спектакль "Театр-убийца", который я там поставил, больше в театре не идет. Ни я, ни мой спектакль, ни мои актеры оказались не нужными Армену Борисовичу. Теперь за возобновление "Театра-убийцы" взялся продюсерский центр "Русские сезоны".

— Насколько я знаю, режиссура не первая твоя профессия?

— Когда-то у меня была детская романтическая идея, связанная с космосом. Поэтому и поступил в Институт радиотехники, электроники и автоматики

по специальности космическая связь. Когда учился на третьем курсе, попал в кинотеатр "Звездный" на неделю французского кино. Понял, что занимаюсь не тем, и ушел из института — сознательно на два года в армию. Уже после армии в 25 лет поступил в ГИТИС в мастерскую Гончарова. Счастливейшие годы моей жизни, цветник педагогов — Гончаров, Захаров, Арье, Карагодский. Причем не номинально числились, а по-настоящему преподавали. Некоторое время я был актером. Режиссурой стал заниматься только в 35 лет. Так что я в режиссуре всего 5—6 лет.

— Хотелось бы тебе все-таки по-настоящему стать главным режиссером?

— Было бы лукавством ответить "нет". Но когда в театр приходит талантливый режиссер, кото-

рого якобы все ждут, он требует большого количества жертв. А современный репертуарный театр выполняет лишь одну задачу — сохранить равновесие. Это напоминает человека, живущего на искусственных приборах. Он жив, у него нормальная температура. Он иногда даже приходит в сознание. Но подныться и сделать зарядку он не может.

— Каково же место режиссера у постели этого больного?

— Роль сиделки. Он должен ждать и надеяться, честно делать свое профессиональное дело. И работать на благоприятный исход. Но уж никак не выступать в роли разрушителя и убийцы.

— Твоя личная жизнь влияет на творчество?

— У меня есть помощник — моя жена, критик, соратница — Вера Бабичева, актриса Театра Маяковского. Мы познакомились 12 лет назад на спектакле "Привидения" Ибсена в одной из первых московских антреприз. Я играл Освальда, Вера — мою мать.

— Есть тема, которая прослеживается во всех твоих спектаклях как очень личная, особенно в "Петербурге" Андрея Белого — тема взаимоотношений с отцом.

— После развода с первой женой у нас были серьезные расхождения с отцом. Мы десять лет вообще не общались. При этом мои родители нормальные хорошие люди. Так что проблема не в них, а во мне. У одного философа я как-то прочитал: "Люблю русский народ, Россию, культуру, русский язык, но не люблю русскую жизнь". Естественно, понятие "русская жизнь" не связано с национальным. Скорее речь идет о среднестатистической мешанской жизни, которая нас окружает. И когда я разошелся со своими родителями, я убежал именно от этого. Теперь мы, слава богу, снова общаемся. Вообще-то для людей, связанных с искусством, ворчать на уклад собственной среды — нормально. Художник не лечит, он болит. Комфорт души вреден для режиссера.

— Но дискомфорт тоже мучителен. Как ты его снимаешь?

— Не алкоголем, если ты это имеешь в виду. Профессия режиссера это исключает. Интеллект надо хранить в чистоте. Иначе тебя хватит только на 5—6 лет, после чего потеряешь дар, который тебе дан. Я могу себе позволить бокал красного вина, но не более того. Курю три-четыре сигареты в день. Смотрю глупые американские боевики.

— А если вернуться к актерской профессии — есть роль, которую ты хотел бы сыграть?

— Я бы хотел сыграть Мефистофеля.

Екатерина КРЕТОВА.